

Предыстория

Хотите побывать в мрачных застенках — попробуйте в моем районе вызвать сантехника. Про современные средства связи можно забыть, все делается только в личном порядке. Сантехники сидят в полуразрушенном заводском корпусе, которому лет сто. Строго с 7 до 7:30 утра нужно войти в страшноватый одноэтажный кирпичный дом с осыпающимися стенами, пройти по узкому темному коридору, постучаться в железную дверь в конце — и увидеть несколько недовольных одутловатых лиц. Доброе утро, у меня что-то капает в туалете.

Хорошенькое начало дня? Когда говорят, что в России за МКАДом жизни нет, я готова вступить хотя за Сибирь, хотя за Дальний Восток, но не скажу ни слова в защиту подмосковной промзоны. В эти пляски вокруг сантехников просто невозможно было поверить. Я даже в управляющую компанию сходила, там подтвердили — да, ваши соседи все правильно вам сказали, а что такое, что вас не устраивает?

В то утро дополнительно добавляла радости необходимость напяливать на себя маску. Шел 2020 год, и еще не до конца оцененная ковидная пандемия была в самом разгаре. Я не навещала сантехников уже лет пять и еще столько же к ним не пошла бы, особенно с учетом повсеместной заразы. Но муж был в отъезде, а в туалете отчетливо слышались звуки капающей воды. Затопить соседей снизу — так себе перспектива. В нашей развалюхе с гнилыми коммуникациями, 1957 года постройки, это может произойти молниеносно.

Ровно в 7:00 я рванула заветную дверь на себя. Из-за вспученного плиточного пола ее заедало снизу, так что закрывать тоже пришлось с усилием, переступив порог спиной вперед. В прошлый раз такого не было. Ну что, все разваливается в нашем районе, куда деваться.

Обернувшись, я подумала, что еще не проснулась. Никаких сантехников внутри не было. Внутри был бар. Да-да, бар безо всякой вывески, и очень крутой! По стенам висели военные карты, оружие, фуражки, фотографии советских разведчиков, пробитые стрелковые мишени. На стене за спиной бармена красовался противогаз, увенчанный оленьими рогами. Сам бармен — молодой чернокожий парнишка в камуфляжной кепке-фидельке. Раньше иностранные студенты селились на окраинах Москвы. Теперь и это для них дорого, гнезятся по области, подрабатывают где могут. Этот еще хорошо устроился, иные на стройках пашут.

— Привет! — сказал парень. — Мы ужье сакрылыс!

— Ты кубинец? — спросила я, мгновенно забыв о сантехниках. Акцент и манеры показали мне знакомыми.

— Дааа! Гавана!

— *Абло эспаньоль* (Я говорю по-испански), — ответила я и назвала свое имя.

— Меня зовут Педро. Педро Эмилио Рубакальба.

Пожив когда-то в Гаване, я приняла как данность, что все кубинцы так или иначе друг другу родственники. И даже в Подмосковье, встречая кубинца, надо быть готовой к тому, что ты знаешь его семью.

— У тебя нет родных на улице Эскобар?

— Маите Рубакальба, моя бабушка. Ты ее знаешь?

О да, я знала эту сеньору! А парнишка-то непростой.

— Я к ней ходила, гадать на картах Таро.

— Все ходят к бабушке гадать на Таро! Она знаменитость!

— А что это за бар, давно он здесь?

— Да я и сам здесь первый день, мало что знаю. Ты ведь не из полиции? Из-за пандемии все закрыто, у нас собираются потихоньку, здесь даже вывески нет. Мы работаем с полуночи до семи утра. — Он явно где-то привирал и нервничал, но я пока не могла понять, в чем дело.

— Жаль, что не днем, я бы приходила к вам поработать над книжкой. Как Хемингуэй, знаешь. В барах хорошо пишется.

— Ты писательница?!

— Зарабатываю рекламными текстами, но книжки тоже пишу. Не так много, как хотелось бы.

Как и у всякого кубинца, у Педро была история для меня. Хорошая история, продать можно будет. Может, даже кино снимут. Покажут, как мы тут стоим у стойки и разговариваем. Здорово же?

— *Буэно, бале* (хорошо, ладно), — сказала я и приготовилась услышать какую-нибудь глупую байку. Мне всю мою жизнь норовят присесть на уши. Но его история захватила меня с первых же слов. Она была созвучна тому, над чем работала я сама в это самое время.

Пришлось вытряхнуться из плаща, накинутого поверх желтого спортивного костюма, и сесть за столик. Педро сделал нам кофе, сокрушаясь, что нет гейзерной кофеварки, только кофемашина. Это фикция, а не кофе. Мы проговорили около получаса и могли бы просидеть еще до ночи, но нам обоим адски хотелось спать. Пришлось дать ему адрес своей электронной почты, чтобы он мог присылать мне свою историю по частям, наговаривая ее на диктофон. А я все это переведу с испанского и напишу красивую книжку. Да, вот так просто.

— Почему тебе не найти писателя мужчину? Я ведь поженски все изложу. Будут читать и смеяться, что баба писала. Обидно же — и тебе, и мне.

— Глупости. Ты не сможешь испортить мою историю.

— Думаешь?

— Конечно, ведь мой *корасон* (сердце) будет лежать у тебя на ладони. Женщины в желтом вообще моя слабость.

— Так, про корасон не начинай даже. Здесь тебе не дискотека на *Калле Гальяно*. И потом, я замужем и тебе в матери гожусь. Обойдемся без ваших кубинских штучек.

— Тогда просто считай, что я тебе доверяю. Вот, хочешь, возьми мою кепку. Хоть последнюю рубашку возьми!

С этими словами Педро нахлобучил кепку мне на голову. Чтобы он не начал вдруг раздеваться, я предпочла свернуть разговор. Когда вернулась домой, звуков капающей воды больше не было. Часик поспать удалось, потом следовало работать. Полдня, сидя над срочным рекламным текстом, я знай прислушивалась и думала, как поступить.

Можно было сходить к старушке соседке, разузнать, куда делись сантехники, но это заняло бы минимум два часа. Всю свою жизнь проработав на заводе в нашем же районе, не имея образования, эта добрая женщина сумела в преклонные годы сохранить удивительно живой ум и любознательность. Я всегда с легкостью оставляла ей ключи, когда уезжала на зиму в теплые страны, а взамен подвергалась долгим расспросам по возвращении. Она даже повесила в кухне карту мира и отмечала на ней города, о которых мы говорили. Особенно почему-то ее интересовали разные религии, и я, сама себе удивляясь, рассказывала ей о католицизме, эфиопском православии и даже об афрокубинских культах. Каждый раз такие беседы взрывали мне мозг — это были полноценные импровизированные лекции — и я старалась не попадаться ей на глаза без особой нужды.

Пока я ломала себе голову, успел прийти первый аудиофайл от Педро. Услышанное мгновенно заставило меня забыть об утомительной бытовухе, а звуки капающей воды так больше и не вернулись. Что ж, они свое дело сделали: к моей повседневной работе прибавилось дел с расшифровкой записей.

Поначалу меня удивляло, как четко этот кубинский парнишка соблюдал все договоренности, присылая новые материалы минута в минуту. Но когда дошло до того, кем был Педро Эмилио Рубакальба на самом деле, все прояснилось.

Эта книга написана от первого лица — так, как рассказывал он. *Просто считай, что я тебе доверяю.* Я и представить себе не могла, как много значат для него эти простые слова...

ЧАСТЬ I

Майами-Гавана, ноябрь 2018

Глава 1. Я пересекаю Флоридский пролив

Моя семья до недавнего времени жила в Майами, на Восьмой улице. Этот район называют Маленькой Гаваной. Дедушка бежал с Кубы в XX веке, бросив бабушку. Мне пришлось бежать на Кубу в XXI веке, чтобы к бабушке вернуться. Дедушка из афрокубинца в свои 20 лет стал афроамериканцем, а я в свои 20 — наоборот. Был афроамериканцем, стал афрокубинцем. Круг замкнулся.

Выглядит довольно сложно, конечно. Особенно если соблюдать никому не нужную толерантность. В конце концов, по-испански мы всегда были просто *негрос* (черные) — хоть в маленькой Гаване, хоть в большой. Даже между собой. Быть негром не стыдно, стыдно быть мудаком. Поэтому, например, дедушка не бросил на Кубе годовалого сына, а взял его с собой. Для черного мужчины быть отцом это дело чести, говаривал он. Бабушка не поехала по каким-то своим причинам, в семье об этом не говорили. Но дедушку она любила и сына тоже. Сейчас я знаю об этом гораздо больше, чем в детстве, а тогда меня это все удивляло.

Дедушка держал на Восьмой улице кубинский бар, которым потом управлял мой отец. Сам я с 15 лет работал за стойкой и умел смешивать всю кубинскую коктейльную классику: мохито, Куба либре, дайкири, пина колада. Для особо продвинутой публики даже делал Огни Гаваны, с дынным ликером. Будущее мое казалось простым и понятным: работа, танцуйки, иногда церковь. Женитьба, наверное. Дети, куда же без них. На деле вышло иначе.

В Маленькой Гаване постоянно живут и тусуются не только кубинцы, у нас полно народу из Гондураса и Сальвадора. Мексиканцев почти не бывает, и это хорошо для всех нас. Гринго наплевать, в их глазах все латиносы одинаковые, но мы-то знаем, как обстоят дела. Мексиканские песни очень красивые, но очень

жестокие, там все время кого-нибудь убивают из-за наркотиков. Вот и с нашей семьей случилась такая же песня.

У нас в баре всегда можно было купить контрабандную кубинскую сигару, но никогда — косячок, потому что дедушка был *сантеро*. И никакие разговоры о том, что в штате Флорида марихуана разрешена в медицинских целях, здесь не прокатывали. Больным в баре не место, идите в аптеку. Такова была официальная позиция нашего заведения.

Неофициально дело было совсем в другом. В колониальные времена на Кубу вместе с черными рабами приехали их верования, которые превратились в учение об африканских святых — *сантерию*. Согласно сантерии, существует Творец всего сущего, но он давно удалился от дел, и со своими нуждами людям следует обращаться к святым — *оришас*. Самые могущественные из них составляют Семь африканских сил. Почти пятьсот лет, с XVI века, это была тайная религия, и хотя в ее обрядах используются самые разные травы и растительные яды, марихуана строго запрещена. Считается, что это трава только для особых ситуаций, связанных с войной. Так что баловаться ею не следует. А то можно приманить воинственных духов и спровоцировать у себя приступ неуправляемой агрессии.

Зная, какими безумными могут быть мексиканцы, вечно мешающие марихуану с текилой и при случае добавляющие кокаин, я легко в это верю. Хорошо хоть колумбийцы нас презирают, Маленькая Гавана перестала их интересовать еще в 70-е.

В детстве я этого всего, конечно, не знал. Меня воспитывали в католической вере и всячески ограждали от сантерии. От неудобных вопросов отмахивались и отправляли делать уроки, как любые взрослые в любой точке мира.

Сутулого лысоватого полукровка, которого время от времени к нам заносило, все звали *Камарон* (креветка). Большие белые пятна на его лице действительно напоминали об очищенных

креветках. У нас говорили, что подобное лечат только в Настоящей Гаване, потому что кубинская медицина лучшая в мире. Камарона это бесило: чем дальше он находился от Мексики, тем круче она для него была, и если уж мексиканские врачи чего-то не могут, куда там кубинским. Мать у него была мексиканка, а папаша вроде бы белый кубинец. Только поэтому наши его кое-как и терпели с его дурным характером. Он приходил к нам выпить и поспорить с моим отцом о политике почти каждую неделю. Они даже считались приятелями. Но однажды Камарон пришел не один.

Дедушка тогда уже умер от рака, он-то и на порог не пустил бы всех этих мексиканских *кавронес* (козлов). Да они и сами его побаивались, считали колдуном. Я бы не отказался иметь такую репутацию: когда тебя боятся мексиканцы, это дорогого стоит. Отец был совсем другим человеком, разговоры о сантерии старался замять и всегда говорил, что он добрый католик, как и большинство кубинских американцев. Это его и сгубило.

Камарон был мелким дилером, притом не слишком удачливым и довольно безобидным. Только орать и уметь. Если подумать, ничего удивительного: мексиканцу надо быть совсем уж никчемным, чтобы таскаться на Восьмую улицу. Латиносы всегда кучкуются, ищут земляков, родню, знакомых родни — да кого угодно, лишь бы быть со своими. И хотя этот *пендехо* (мудила) любил поорать, что он настоящий мужик и ему никто не указ, его у нас тихонько по-христиански жалели. Не совсем уж чужая кровь, мы не такие бессердечные, как мексиканцы. А лучше бы мы были такие! Или хотя бы уж колдуны, как дедушка.

В один прекрасный день Камарон задолжал своим хозяевам, и чтобы они не начали отрезать ему уши, пальцы и прочие ненужные части тела, пообещал им новую точку сбыта — наш бар. Приперся к нам средь бела дня с двумя такими же козлинами, те что-то долго мрачно втирали отцу, но договориться не получилось. Это их здорово разозлило, и ночью отец был уже

мертв. Мне еще долго потом снилось его тело, лежащее на полу в баре. В крови было все кругом — пол, стойка, стулья. Даже клетку с попугаем забрызгало.

Моя мать, едва меня разбудив, собрала вещи и смоталась к своему белому любовнику, с которым, как оказалось, крутила последние полгода. Она же и сама белая, вот в чем штука. По мне, правда, в жизни не скажешь: у меня настолько черная рожа, как будто никакие белые ко мне никогда отношения не имели. Она мне этого, похоже, так и не простила. Думала, я буду милый мулатик с более или менее светлым личиком. Черта с два, получите и распишитесь! Говорят, дедушка хохотал как ненормальный, когда увидел меня впервые.

В общем, я чудом успел забрать какие-то деньги из бара и вписаться к своему *примо* (двоюродному брату) на круизный лайнер, шедший в Гавану. Примо работал там в службе безопасности с тех пор, как после смерти Фиделя Кастро возобновились туристические рейсы между Кубой и США. Пристроил меня за барную стойку на одну ночь, никто и понять ничего не успел. Пьют в круизах много, работает кто-то и ладно. Негры для белых все на одно лицо.

Надо сказать, по сравнению с моим дедом, который во время Мариэльского исхода плыл в Майами на рыбацком баркасе, да еще и с годовалым ребенком на руках, я путешествовал с полным комфортом! В 1980 году, на несколько месяцев, всем желающим разрешили эмигрировать с Кубы в США, и из порта Мариэль за это время успели выехать 125 000 белых и негров. Это были самые простые люди, не те белые аристократы, что уехали сразу после Революции. Их потом называли *мариэлитос*.

В Майами в центре приема беженцев творилось тогда полное безумие: то группа уголовников приедет, то проституток, то душевнобольных, и никто ни в зуб ногой по-английски! Дедушка его так толком и не выучил, кстати. А меня мой папаша гонял

с малых лет, чтобы иметь больше денег с туристов. У нас даже табличка висела: «Здесь говорят по-английски». В Маленькой Гаване таких мест не особенно много. Я и в школе учился только ради этого. К тому моменту, как меня выгнали, учеба мне была уже и не особо нужна, хотя мать и канючила что-то про колледж.

Я так закрутился на лайнере с пьяными туристами, что осознал весь трагизм ситуации, только сойдя на берег, в гаванском порту *Сьерра Маэстра*. Отца нет, мы с матерью в бегах, и только о нашем попугае Рикардо теперь совсем ничего не известно. Кто-нибудь приберет, конечно, птица-то красивая, дорогая, хоть и не говорящий. Лишь бы не мексиканцы, было бы обидно.

Мать сказала, что моя бабушка, ее свекровь, живет на *Калле Эскобар*, и я должен в Гаване идти туда, другого дома у меня теперь нет. Вот так, в 20 лет, мне предстояло познакомиться с родиной предков и своей неведомой бабушкой. Хорошо, что я хотя бы знал ее имя — Маите. Это сокращение от Марии и Терезы. У кубинцев обычно по два-три имени. Кто-то любит, чтобы его называли по полной прописи, кто-то использует второе или третье имя, чтобы не путали с соседом, а кто-то слепляет два имени в одно. Одного моего школьного друга поначалу звали Хуанка, он Хуан Карлос. Но стоило ему узнать, что он тезка испанского короля, как о сокращениях пришлось позабыть, он требовал обращаться к нему только полностью. В результате все его звали по-простому: *Эль Рей* (король). Он потом куда-то уехал — наверное, царствовать. Сам я Педро Эмилио. Говорят, что по-латыни это вроде как упрямый камень (даже не знаю, чего от меня ожидали, дав эти имена при крещении). Мне всегда хватало простого Педро.

С головой не на месте и десятками мыслей, я топал по незнакомому яркому городу, которому не было до меня никакого дела. Колониальная Старая Гавана, настоящая, шикарная, еще больше сводила меня с ума. Никакого сравнения с Восьмой

улицей! Хотя и я приехал аж из самого Майами, чем должен был бы вроде гордиться, чувствовал себя каким-то поселковым недоумком. И не напрасно! Ошалело глядя по сторонам воспаленными от недосыпа глазами, чуть не сшиб с ног какую-то молодую мулатку, по виду свою же сверстницу.

— Ты дурак или *пинареньо*? — заорала она.

— Кто такой пинареньо?

— Понятно. Дурак.

— Сама дура. Я из Майами, ничего здесь не знаю.

— *Ментира туйя* (брехня)!

— Вот те крест! Могу паспорт показать. Вот, видишь, американский.

— Смотри-ка, и правда. Надо же. Педро? Ну, будем знакомы, я Кармен.

— Так что там за пинареньо? Меня нельзя зазря обзывать, так и знай.

— Это означает деревенщина, из Пинар дель Рио. Такая сельскохозяйственная провинция. Они как приедут в Гавану, так ни дорожку перейти, ни в маршрутке поздороваться не умеют. Обалдеют в навозе жить и едут искать где почище. А ты здесь что забыл?

— К бабушке приехал, насовсем.

— Ну так тебе *карнет* надо справить, а паспорт припрятать, чтобы не сперли. У вас же вроде паспорта тоже не у всех есть?

— Мать думала свозить меня к родственникам в Испанию, долго морочила голову с этим паспортом. Мне, себе и всем вокруг. Паспорт сделали, а с остальным не вышло. Так-то да, все с водительскими правами ходят.

— Вот, карнет это вроде ваших водительских прав. Там будет написано, что ты живешь в Гаване. А то все будут думать, что ты богатый, раз из Америки. Тому пива купи, этому денег одолжи. Сразу станешь бедный, как все. Бабушка-то в уме, сообразит что к чему?

— Да уж поумнее иных пигалиц. Маите Рубакальба с улицы Эскобар, не слыхала?

— Маите Рубакальба твоя бабушка?! Эта сеньора?!

— Ты ее знаешь?

— Моя тетя ходила к ней за советом, сеньора Маите гадают на картах Таро у себя дома. Все сбылось, все до единого слова! Стоило своих денег! Ты знаешь, как к ней идти?

Я начал копать в рюкзаке. Сколько себя помню, над моей кроватью висела старая дедушкина карта Гаваны, и я не мог оставить ее на произвол судьбы. Много места она не заняла, зато теперь послужит по назначению.

— Ой да перестань, карту ему. Смотри: идешь прямо до Капитолия, вон он виден. Там поворачиваешь направо, на *Пасео дель Прадо*. Идешь в сторону *Отель Парке Сентраль*, там перекресток. Влево от тебя будет уходить *Калле Нептуно*. Увидишь, там толкуются маршрутки с зазывалами. Знаешь наши маршрутки? Старые американские тачки. Так вот, по Нептуно идешь, идешь, по правой стороне. Долго идешь, но посматривай, какие улицы пересекаешь, указатели везде на углах есть. Одна из них — Эскобар. Сворачивай на нее, направо, а там спросишь, где живет сеньора Маите, тебе каждый скажет. Запомнил, справишься?

— Слушай, а почему у вас улицу назвали в честь наркобарона? Там что, барыжат? Я не нарик, ты не думай, просто интересно.

— Это не Пабло Эскобар, дурачье. Это был почтенный горожанин, жил неподалеку, очень уважаемый, вот в честь него и называли. Колумбийцев там отродясь не видели, одни бестолковые негры вроде тебя.

— Сама будто белая, тоже мне королева!

— Если хочешь, зайду за тобой завтра с утра, покажу тебе Гавану. Я работаю гидом, нелегально, туристический сезон вот-вот начнется. Потренируюсь на тебе, сама хоть вспомню, что к чему. Бесплатно, имей в виду! Ради бабушки.

— Ну хотя бы мохито можно будет тебе предложить?

— Глупости! Мы же не туристы. Пива выпьем, как люди.
Или *планчао*.

Через минуту я уже шел в сторону Капитолия. Что такое *планчао*, спрашивать не стал, и так уже достаточно опозорился. Там видно будет. Кармен не обманула: путь до улицы Эскобар был неблизкий, но довольно простой. Перед тем, как свернуть с Нептуно, я задержался поглазеть на изящную женскую статую в короне, что украшала колокольню чуть вдалеке. В конце концов, я добрый католик, как мой покойный отец!

Глава 2. Знакомство с сеньорой Маите

Первый же черный старик, которого я встретил на улице Эскобар, махнул рукой в сторону дома моей бабушки. Обычный кубинский дом в два этажа, вплотную прилепленный к соседским, так что по бокам и мышь не пролезет. Выкрашен в модный колониальный цвет *Авана Асуль* — голубой с бирюзовым оттенком. Испанцы переняли все оттенки голубого у мавров, а потом завезли их сюда. В Маленькой Гаване тоже этот цвет любят, потому что все испанское считается очень культурным.

Дом слева был розовый, справа — желтый. Тоже нормальная тема, но бабушкин круче. За ставнями и входными дверьми в таких домах обычно прячутся кружевные кованые решетки. Стекол в окнах нет: в сезон дождей часто проходят тайфуны и выносят все что можно. Никаких денег не напасешься, чтобы остеклить заново. Так что с утра ставни распахивают, и дом целый день проветривается. А решетки, понятно, от воришек.

Над дверью бабушкиного дома я увидел табличку со стилизованным глазом и надписью *Арендадор эн дивиса* — арендодатель

в валюте. Таких табличек на моем пути от порта было уже много. Они означают, что здесь сдается жилье для туристов, с оплатой в *куках* — конвертируемой кубинской валюте. Об этом болтали у нас на Восьмой улице, и я уже знал, что на Кубе в ходу два вида денег: для местной бедноты — *песо насьональ*, для туристов и богачей — куки. Что из них считать настоящими деньгами, это еще большой вопрос. За *песо насьональ* продается мало что, зато дешево. За куки можно купить что угодно, но дороже. Вот и крутись как хочешь.

Ставни и дверь были распахнуты, а решетки заперты. Значит, хозяйка куда-то вышла. Я заглянул в дом через оконную решетку, но не успел что-либо разглядеть, как из глаз у меня посыпались искры. Так я впервые отведал бабушкиного подзатыльника.

— Чего глазеешь, бездельник? Спереть что-то собрался? — Передо мной, подбоченясь, стояла дородная черная сеньора невысокого роста, в шлепанцах, лосинах и длинной футболке. Ее волосы, выкрашенные в темно-желтый цвет и намотанные на бигуди, придерживала небольшая косынка. Маленькие глаза подозрительно щурились, и вдруг она охнула: Педро!

— *Буэнос диас, абуэла*, — поздоровался я с бабушкой. — Да, это я, ваш внук, Педро Эмилио. Из Майами.

До меня не сразу дошло, что она имела в виду. Мне говорили, что я удивительно похож на своего дедушку в молодости. Меня и называли в его честь. И вот перед сеньорой Маите стоит ее Педро, в том же возрасте, в каком он был, когда она видела его в последний раз, почти сорок лет назад. Кого угодно хватил бы удар! Но не мою бабушку. Она очень быстро совладала с собой и скривилась.

— Вы только посмотрите на это, — сказала она, слегка отступив назад и оглядев меня с головы до ног. — Господь послал мне помощничка на старости лет, да какого *флякито* (тощенького)!

Я совсем стушевался. В Маленькой Гаване я слышал, конечно, будто молодежь на материке не та, что на Острове. На Острове,

если ты дохляк, тебе ни одна девка не даст. А девок на всех не хватает. Поэтому все ходят в качалку, даже умные. Надо иметь мышцы, осанку, тогда и в майке-алкашке будешь выглядеть прилично. А на материке парни подраспустились.

И действительно, на улицах Гаваны царило такое физическое здоровье, до которого мне было, как до луны. Я-то у себя в баре в рубашке ходил, мать следила, чтобы культурно. Что у меня под рубашкой, никому не было дела, для девчонок я был невидимкой. В баре всегда толклось достаточно красивых и ушлых парней. Меня это не огорчало. Я умел делать комплименты и поддерживать беседу, но это была просто часть моей работы за стойкой.

Иногда мне казалось, что я единственный кубинец, которого больше интересует работа, чем девицы. Люблю, когда от меня есть прок. Если в баре не было моей смены, я тусовался в соседской слесарной мастерской. Это интереснее, чем качалка. Но в этот самый момент на улице Эскобар, под насмешливым старушечьим взглядом, мне отчаянно захотелось стать нормальным кубинцем, в алкашке и с мышцами. Жаль, не успею до завтра, когда придет Кармен! Если вообще придет, зачем ей возиться с флякито! Она-то как статуэтка. Как говорят у нас на Восьмой улице — наверное, папа скульптор. А я даже родной бабушке не понравился.

— Ай, Педро, Куба сделает из тебя человека! — вдруг расплылась в улыбке бабушка и наконец заключила меня в объятия. Мы расцеловались, и я как-то выдохнул. Скатилась было слезинка, но я ее быстренько вытер. Бабушка сделала то же самое. — Пойдем в дом, сварю тебе кофе, все мне расскажешь. Я к соседке ходила.

Сразу было видно, что здесь живет настоящая сеньора! Пол выложен нарядной плиткой, на стене холла красуется огромный китайский веер с журавлями и лотосами, на кожаном диване и креслах лежат кружевные накидки — и конечно же, перед телевизором

стоит кресло-качалка. Каждая пожилая кубинка, даже в Майами, по вечерам смотрит сериалы, и не дай бог ее потревожить! Что и говорить о Гаване!

Были и такие детали, которые меня удивили. У входа в дом торчала странная лысая глиняная голова без шеи, будто проросшая сквозь плитку. Глаза и рот у нее были сделаны из ракушек. Казалось, она наблюдает за мной, презрительно щурясь и кривя губы. У одной из стен стоял небольшой столик с колокольчиком, супницей и букетом живых цветов. На стену, прямо над супницей, были приклеены какие-то старые фотографии, среди которых я увидел дедушкину. Подобные штуки попадались в домах соседней на Восьмой улице, но расспрашивать было неловко. Я знал, что это все связано с сантерией, но родители не поощряли разговоров о ней, а дедушка умер, когда я был маленький. Так мне толком никто ничего и не рассказал.

Из холла мы пошли в *патио* — внутренний дворик. Помимо горшков с цветами, там были расставлены небольшие обеденные столики с металлическими ажурными стульями. Чтобы было совсем похоже на кружево, их покрасили в белый цвет. В *патио* выходили двери холла, кухни и кладовки. Попасть в бабушкины комнаты — спальню и кабинет — можно было через холл, там были еще две двери. Лестница возле кухни вела на галерею второго этажа, где размещались четыре комнаты для постояльцев. Мы пошли в кухню. Там было тесновато, и я торчал в дверном проеме, прислонившись к косяку.

— Ты не сантеро? — спросила бабушка, ставя на огонь гейзерную кофеварку.

— Нет, я католик. Думал сходить в церковь в воскресенье, поблагодарить Деву Марию, что остался жив и нашел свою бабушку. Ничего?

— *Нормальменте* (нормально). Католик лучше, чем атеист. Ты удивишься, сколько крещеных среди сантерос. Сходи к мессе,

прояви уважение, почему нет. Можем вместе сходить. Кто почи- тает крест, тому открываются многие двери.

Честно сказать, я слишком устал для религии. Решить бы простые вопросы — где я буду спать, например, и чем вообще здесь займусь. Но оказалось, у бабушки уже был четкий план, как будто она только меня и ждала.

Наверху есть маленькая свободная комната, вчера из нее как раз выехали. В комнатах побольше никого нет, но их лучше держать на всякий случай наготове. Когда появятся новые постояльцы, буду помогать со стиркой белья и всем прочим. В каждой комнате свой санузел, и все это точно придется мыть мне. Не заскучаю. Бабушке уже тяжело столько работ- тать. Но кофе она будет варить и разливать сама, это закон, чтобы не били ее драгоценные чашечки! И она действительно поставила все на поднос, чтобы собственноручно отнести нам в патио.

— Я здесь сервирую завтрак для постояльцев, а если за- кажут, то и ужин. Ты не поверишь: освоила китайскую кухню на старости лет. Китайцы хитрожопее даже, чем белые, но го- товят отлично, этого не отнять! Кто любит их еду, те бегают в Китайский квартал, от Капитолия недалеко. А я не люблю усту- пать косоглазым. Куплю у них соевого соуса да специальной приправы — и все, до свидания! Нечего уводить клиентов из мо- его дома! Туристам это выгодно, не надо что-то искать лиш- ний раз. Их каждый норовит обмануть и взять денег побольше. Но у меня — репутация, в этом доме все честно.

— А откуда столько китайцев в Гаване, аж целый квартал?

— У них и свое кладбище есть. Заняли землю наших покой- ников. Понаехали еще во времена рабства, потом вроде была вторая волна, после Революции. Но я никогда особенно не вни- кала, тут и с белыми мороки хватает.

— Бабушка, ну что за расизм!

— Знаешь, *ниньо* (мальчик), когда доходит до денег и земли, все начинают различать, кто какого цвета и кто кому родной. Разве что у русских не так, но где мы, а где Россия.

— Если ты вдруг не знала, у меня мать белая.

— Ну и что? Она твоя мать, но не моя дочь. И что-то я ее здесь не вижу. Ладно, довольно об этом.

— Завтра спрошу у Кармен про китайцев, — брякнул я, не подумав.

— Что за Кармен? — бабушка подняла бровь. — Не успел приехать, нашел девчонку? — я уже собрался оправдываться, но она только рассмеялась. — Вот это наш сукин сын, настоящий Рубакальба! Вечером пойдем с тобой на *пенья* — такая вечеринка для своих, бесплатная, в складчину все приносят кто что может. Познакомлю тебя с друзьями. Они белые, но это ничего, все равно хорошие. Видишь бигуди? Если в Гаване женщина с утра в них, значит вечером идет на танцы! И пусть все знают, какая она молодец! А пока расскажи, что у вас там случилось в Майами. Я в целом догадываюсь, вчера как раз разложила карты. Но если все так, как я думаю, тебе не надо это держать в себе. Расскажи бабушке. Расскажи своей бабушке, пока не проболтался кому чужому! — она преувеличенно грозно стукнула кулаком по столу и тут же рассмеялась. Да уж, с ней не соскучишься.

Я выложил всю историю, сам удивляясь, сколько всего случилось со мной за сутки. Бабушка молча качала головой и подливала нам кофе. В конце концов она встала и похлопала меня по плечу.

— Ступай наверх, ложись спать. Ничего, что кофе, заснешь как миленький, ты молодой. Это у меня вечно бессонница. Пенья в восемь часов, сейчас полвторого, я тебя в семь разбужу. А не захочешь — спи до утра, все подождут. Не каждый день такие события. Это теперь твой дом, спи спокойно.

Глава 3. Я нравлюсь Кармен!

Разумеется, ни на какую пенья я не попал, потому что беспробудно проспал 16 с лишним часов, как настоящий *мачо* (мужик). Проснувшись, не мог понять, где нахожусь и почему. Вспомнил и долго еще смотрел в потолок, стараясь все осознать. Ни дедушки, ни отца, я теперь сам себе старший. Это жизнь, все понятно, но не у каждого это происходит так резко и так жестоко! И даже на похороны теперь не поехать. Спасибо, что бабушка есть. Никогда не думал, что это окажется для меня важным.

Пока пришел в себя, пока помылся, уже было начало десятого. Примерно в это время я и встаю обычно. Но мне говорили, что в Гаване все на ногах уже в семь, надо привыкать. Я живенько спустился вниз, где в патио меня уже ждали... бабушка и Кармен, которые распивали кофе, как старые знакомые!

— А, вот и он! Буэнос диас! Твоя невеста уже заждалась! — сказала бабушка. — Выспался, хочешь *тортилью* на завтрак?

Кубинская тортилья — это не кукурузная лепешка, как у мексиканцев, это зажаренный с двух сторон тонкий омлет. Извечный повод для взаимных издевок! Чего стоит тот факт, что *тортильера* — это по-испански торговка лепешками или женщина, которая их печет, но на кубинском жаргоне так зовут лесбиянок, и это ругательство. В Испании тортилья — это тоже омлет, но с картошкой. Слишком богато для Кубы. Здесь картошка в дефиците, все больше юка и маланга — похожие корнеплоды, только сладковатые. За ними уход особо не нужен, проще выращивать.

Я был зверски голоден, поэтому съел и тортилью, и гренки, и целую тарелку фруктов, и *флан де карамело*. Это кубинский десерт из сгущенки с яйцами, его готовят в пароварке, а сверху он покрыт растопленным сахаром. У нас на Восьмой улице в каждом доме такое готовят. Я знал, что пароварку загружают по полной, и может быть, в холодильнике что-то осталось на завтра. Жизнь

определенно налаживалась! Бабушка сказала, что у меня сегодня туристический день — завтрак, как для приезжих, а теперь экскурсия. Но потом я должен буду показать, что сам умею на кухне.

Такой расклад пришелся мне по душе. Было интересно, есть ли у бабушки приличные кухонные ножи. Если хотите знать о моих подлинных слабостях, просто покажите мне мачете, у меня их была целая коллекция дома! Когда мать впервые увидела, как я размахиваю громадным хозяйственным ножом, ее чуть удар не хватил. Мне лет пять было. С тех пор она только и знала, что отбирать у меня ножики, но в конце концов ей пришлось смириться. Я ведь не дурачок, что бы там обо мне ни думали в Гаване. С пяти лет ни разу не порезался и ничего не испортил. Мачете любит меня так же, как я люблю мачете, говорил мой отец. Правда, лицо у него было при этом странное, как будто он тоже беспокоился, но не так как мать, а о чем-то другом.

Пока я ел, Кармен успела поработать на бабушку: сходила на крышу повесить белье и покормить кур. В Гаване их держат все, кто только может: яйца в магазинах большая редкость. Из деревни приезжают сюда торговать яйцами, но это нелегально и в любой момент может прекратиться. Так что корми кур и не ропщи. Мы оба были рады наконец удрать.

— Буэно, бале, — сказала Кармен, когда мы вышли на улицу. — Вот что тебе надо знать о Гаване. Это крупнейший город, хотя приезжему может показаться, будто он маленький. Мы сейчас находимся в Центральной Гаване. В ту сторону — район *Ведадо*, в ту — Старая Гавана. Через Ведадо ездят в *Ла Плайя* и *Мирамар*. Дальше этих пяти районов ни один турист никогда не суется, а какие из Европы, те и вовсе сидят у себя по отелям, боятся страшных коммунистов. Такие смешные, знаешь... приедут в экскурсионном автобусе куда-нибудь, топчутся, головами вертят. Им рому нальют, а они как дураки — «смотрите, ром, ром!..» На сигары смотрят, как на бог весть что. Но только

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru